

Вэнь Шижань не сдержала улыбки:

— Папа, мама, дедушка с бабушкой тоже скоро собираются вернуться на родину.

Она-то думала, что дедушка с бабушкой ни за что не согласятся на её переезд, но, когда пришло время, они лишь кивнули, сказав, что давно ожидали подобного поворота событий. Они уже всю готовились к переезду.

Цзян Жо просияла, услышав новость о родителях:

— Правда?

— Правда.

Убедившись в услышанном, Цзян Жо насупилась:

— Собираются вернуться — и даже не сказали мне, своей дочери? За кого они меня принимают? — она перевела взгляд на Вэнь Мочжи, который как раз подкладывал ей еду. — Это всё из-за тебя, не иначе.

Вэнь Мочжи замер.

Сидишь себе за столом, а тут прилетает ни с того ни с сего.

— Дорогая, ты права, во всём виноват я. Как только они приедут, мы поселим их у нас и будем окружать заботой и уважением.

Вэнь Мочжи был безмерно благодарен тестю и теще. В своё время семья Цзян была куда обеспеченнее семьи Гу, и он опасался, что их брак встретит сопротивление, но, к его удивлению, родители жены всецело поддерживали этот союз. Когда он заговорил о расширении бизнеса, они, не раздумывая, выделили ему огромную сумму.

Его собственные родители тогда лишь тревожились и сомневались, боясь, что деньги будут выброшены на ветер. Позже, когда родился старший сын, они помогали с ним, но, когда на свет появилась Шижань — как раз в тот период, когда карьера Мочжи только начиналась, а Цзян Жо не справлялась с ребенком в одиночку, — выяснилось, что его родители недолюбливают девочек. Узнав об этом, тесть и теща без единой жалобы забрали малышку и увезли за границу.

Позже, когда дела пошли в гору и супруги захотели забрать дочь, тесть и теща уже привязались к внучке и не захотели её отдавать. Он до сих пор помнил слова тестя:

— Мочжи, у нас в жизни всего одна дочь. Мы никогда не требовали, чтобы зять вошёл в наш дом, и не настаивали, чтобы внуки носили фамилию Цзян. Когда твои родители отказались растить Шижань, а вы были заняты работой, мы молча взяли всё на себя и ни разу не упрекнули вас, что родился не мальчик. Теперь, когда вы встали на ноги, вы хотите забрать её обратно. Но я спрошу вас: вы хоть раз подумали о нас, стариках?

С тех пор он больше не заговаривал о возвращении Шижань, лишь проводил с ними и дочерью половину каждого года.

— Дедушка с бабушкой ведь не ладят с родителями мамы, — заметил Вэнь Чэнь. — Папа, ты уверен, что хочешь поселить их в нашем доме? — он не вкладывал в это подвоха, просто считал, что тесть с тёщей останутся в проигрыше. Уж больно они были деликатны.

— Твои дедушка с бабушкой живут в родном городе, что такого в том, что родители мамы будут жить здесь? — отрезал Вэнь Мочжи.

Вэнь Чэнь усмехнулся:

— Если они узнают, что те живут у нас, посмотрите, как быстро они примчатся.

Сам он был ближе к дедушке и бабушке по отцовской линии — они вырастили его с пелёнок.

При упоминании о них взгляд Вэнь Шижань дрогнул. Она и раньше приезжала на каникулы, даже жила у них какое-то время. Отношение было холодным, и она списывала это на долгое расставание. Но однажды ночью, проголодавшись, она вышла из комнаты и, проходя мимо спальни дедушки и бабушки, услышала их разговор:

— Раз уж уехала за границу, чего теперь возвращаться? Каждый раз, глядя на неё, я вспоминаю её деда с бабкой, и меня это задевает, будто я второго сорта. А сама девчонка? Посмотри на этот её высокомерный вид. Ей всё безразлично, смотрит на нас, как на клоунов. Весь этот гонор — от них, от её деда с бабкой.

— Да брось ты, — отозвался дед. — Это ведь ты когда-то не приняла ребёнка, вот её и забрали. Теперь Мочжи хочет, чтобы она вернулась, так хоть помолчи.

— Будто ты сам её хотел, — фыркнула бабушка.

С того дня Шижань перестала пытаться сблизиться с ними, а на просьбы родителей вернуться отвечала уклончиво. Порой ей казалось: если бы они действительно дорожили ею, то забрали бы раньше.

Не стоит слишком глубоко копаться в том, что приносит лишь боль.

Вэнь Шижань выдавила горькую улыбку. Еда, которая только что казалась такой вкусной, вдруг потеряла всякий привкус.

— Даже если они вернутся, то будут жить в другом доме, — продолжал Вэнь Мочжи. — Я за эти годы купил им немало недвижимости. К тому же, совместная жизнь ни к чему хорошему не приведёт.

Он твёрдо решил не пускать своих родителей в этот дом.

— Ты не боишься, что они устроят скандал? — удивился Вэнь Чэнь.

Вэнь Шижань, чувствуя себя чужой в этом разговоре, отложила приборы и поднялась:

— Мама, папа, брат, я наелась. Приятного аппетита.

Их заботило лишь то, что дедушка с бабушкой закатят истерику, а не то, сколько боли они причинили родителям мамы. Брат вряд ли поймёт, как много те для них сделали, и не осознает их обид. А ведь они так хотели вернуться, так мечтали быть ближе к единственной дочери, но семья зятя не приняла их, и каждый приезд заканчивался размолвкой.

Цзян Жо замерла, глядя на накрытый стол:

— Шижань, может, ещё немного поешь?

— Мам, я сыта, — Вэнь Шижань сохраняла всё ту же отстранённую улыбку. Она взяла чемодан и спросила: — Где моя комната?

Она не была дома много лет, но помнила, что её комната находилась на третьем этаже справа. Если память не подводит, её оформляли специально под её вкусы. Вэнь Чэнь при этих словах замялся, на его лице промелькнуло смущение.

— Видишь ли, когда ты не приезжала, к нам наведалься Цици. Она боялась спать на четвёртом этаже одна, вот мы и отдали ей твою комнату.

Взгляд Вэнь Шижань опустился, но, подняв глаза, она осталась невозмутимой, словно её это ничуть не задело:

— Тогда где я буду жить теперь?

— На четвёртом этаже, — Вэнь Чэнь решил, что ей вряд ли захочется жить на одном этаже с Цици, поэтому четвёртый этаж, полностью в её распоряжении, казался лучшим вариантом. Так ей будет спокойнее.

Вэнь Шижань улыбнулась, взяла багаж и поднялась на лифте. Цзян Жо хотела помочь, но она мягко отказалась.

Почему же, зная, что в этом доме её не особо ждут, она всё ещё не может отпустить эту обиду?

Вэнь Шижань, ты приехала сюда лишь ради одной цели, ради одного человека. А дом... дом — это там, где дедушка с бабушкой.

Вернувшись в комнату, она услышала сигнал телефона. Думая, что это сообщение от подруги, она открыла уведомление и едва не выронила аппарат. Сообщение было пугающе откровенным:

— Ты всё ещё скучаешь по мне?